

За чужими
ОКНАМИ

Читайте повести и рассказы
Марии Метлицкой
в серии «За чужими окнами»

Наша маленькая <i>жизнь</i>	Дорога <i>на две улицы</i>
То, что <i>сильнее</i>	Верный <i>муж</i>
Машкино <i>счастье</i>	А жизнь была <i>совсем хорошая...</i>
Беспокойная жизнь <i>одинокой женщины</i>	Ее последний <i>герой</i>
Второе <i>дыхание</i>	Вечный запах <i>флоксов</i>
Испытание <i>медными трубами</i>	Женский <i>день</i>
Всем <i>сестрам...</i>	Кровь <i>не вода</i>
И шарик <i>вернется...</i>	Можно я побуду <i>счастливой?</i>
Дневник <i>свекрови</i>	Женщины, <i>кот и собака</i>
После <i>измены</i>	Миленький <i>ты мой</i>
Ошибка <i>молодости</i>	Фиалки <i>на десерт</i>

Мария
Метлицкая

Фиалки
на десерт

Москва
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М54

Оформление серии *П. Петрова*

Метлицкая, Мария.

М54 Фиалки на десерт / Мария Метлицкая. — Москва :
Издательство «Э», 2017. — 352 с. — (За чужими окнами.
Проза М. Метлицкой и А. Борисовой).

ISBN 978-5-04-182885-1

Самая бескорыстная, абсолютная любовь — матери к своему ребенку. Только мать любит не за что-то, а просто так. Но как часто эта любовь эгоистична! Как часто она не во благо, а во вред!

Таня родила сына в восемнадцать. Когда ее сверстницы бегали на свидания, дискотеки и в кафе, меняли кавалеров и строили планы на будущее, она стирала пеленки, варила каши и ходила гулять в ближайший к дому сквер с коляской. Все вокруг считали ее ненормальной, а Таня не жалела ни о чем — впервые в жизни она чувствовала себя нужной.

Но время идет. Казалось бы, вчера она, держа в своей руке маленькую теплую пухлую ладошку сына Мити, вела его в первый класс. А сегодня Митя уезжает навсегда в Париж, потому что его молодая жена — француженка.

Жизнь закончилась? Все жертвы были напрасны? А может, наоборот? Все только начинается? Взрослый сын молодой женщины — это ведь так романтично...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Метлицкая М., 2017
© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-04-182885-1

*Фиалки
на десерт*

Такого Таня не ожидала. И даже похожего не ожидала.

Удивилась? Да не то слово! Обалдела просто. Замерла, превратившись в соляной столб. Потому что то, что случилось, было ужасно.

Потом взяла себя в руки, разумеется. Жизненный опыт, он ведь всегда спасет. И улыбочку жалкую выдавила, и глазки «настроила», и ручками всплеснула. И почти елейным голосом проговорила:

— Ах, как приятно!

Приятно не было нисколько.

— Ну проходите, конечно! Плащик на вешалку, да-да, сюда. Оторвалась вешалка? Да не беспокойтесь! А сапожки? Нет? У вас так не принято? Да бог с ними, с сапожками! Ну раз не принято! Конечно же, проходите и так! Да ерунда какая, что дождь на дворе!

Чуть не предложила бахилы — остались после маминой больницы. Слава богу, вовремя одумалась. А она и не думала беспокоиться, эта... мадемуазель.

И ботинки снимать не подумала — глянула на Таню как на врага. И сынок, кровинушка, тоже гля-

нул... Просто прожег взглядом, словно огнем. Чуть не спалил! Куртец свой она небрежно бросила на стул в прихожей. Вешалки в Париже, видимо, не приняты. Как и тапки. Тане показалось, что она хотела швырнуть куртку на пол. Впрочем, такую и не жалко!

Протопала в комнату в своих говнодавах. На полу следы — черная мутная вода. Таня чуть не застонала — грязь она не выносила патологически. Просто пунктик какой-то.

А на улице даже не дождь, а наш родимый, российский ноябрьский кошмар: черный снег, перемешанный с дождем и реагентами. Ах да! Там у них, в «заграницах», обувь в гостях не снимают. Не принято! В чужие тапки влезать тоже не принято — не гигиенично! Лучше так, по ковру..

А разве у них такая грязь, как у нас, — жирная, мерзкая, мокрая и химическая?

Таня словно зачарованная смотрела, как *она* чапает по ковру.

Ковер был старый, еще бабулин, оттого и дорогой, любимый. Хороший ковер — не пошлый. Без золотисто-зеленых и красных вензелей, «огурцов» и завитушек, бежевый, светлый. Бабушка Оля тащила его на себе из Прибалтики.

«Я ее уже... ненавижу!» — подумала Таня, чувствуя, как закипают слезы.

Мамзель вошла в комнату, огляделась и со звуком подтащила к себе стул. Села. Нет, не так. Шмякнулась, плюхнулась на стул. Стул скрипнул. Еще бы! Она была крупной. Прилично крупной, заметим. И даже очень прилично! Метр восемьдесят, не меньше. Тане казалось, что все француженки не-

пременно худенькие, невысокие и изящные — такой вот образ создан в ее воображении. Например, актрисы — Мишель Мерсье или Милен Демонжо. Ну или Анни Жирардо.

Это же была скорее дочь финского лесоруба или шахтера из Силезии. Широкоплечая, крупнорукая, крупногрудая. Всего в ней было с избытком.

Таня, мелкая от рождения, так и недобравшая росту и не догнавшая своих одноклассниц, рядом с мамзель казалась Дюймовочкой.

А как же французский, многократно описанный шарм? Тонкий вкус, изысканная и недешевая скромность? Где это все?

Лицо у мамзель было широкое, скуластое и — незначительное. Нет, здесь речь совсем не о красоте! Лицо было невнятным, смазанным, что ли. Пройдешь и не вспомнишь, что знакомы.

Конечно, совсем не накрашена. Таню такие женщины смущали. Что это? Уверенность в своей неотразимости, в своей природной красоте? Ну, знаете ли! Слишком смело. Любой женщине макияж не помешает — хоть капельку, хоть чуть-чуть. Те, кто совсем не пользовался косметикой, вводили Таню в изумление — надо же, какая уверенность в своих чарах! Она сама была не из «злоупотребляющих». Но все же... А мамзель? Та игнорировала — и демонстративно! Словно хотела сказать — да мне наплевать! На всех наплевать. И в том числе — на тебя, дорогая будущая свекровь! Мне все равно, что ты подумаешь обо мне.

«Ладно, что я придираюсь, — подумала Таня. — А вдруг у нее аллергия?»

Она хотела быть доброжелательной. Очень хотела, честно! Однако выдавить из себя комплимент не получалось — никогда не умела кривить душой. И тут же вспомнила — лишь бы человек был хороший, а?

Хороший (предположительно) человек, не спросив разрешения, закурил.

Сынок заметался в поисках пепельницы. Пепельницы в некурящем доме не было. Он вытянул из серванта кофейную чашечку и поставил на стол.

Таня вздрогнула. Чашечка из подаренного когда-то сервиза была хрупкой, полупрозрачной и нежной — японский фарфор. Казалось, что наглости этой изящная вещица просто не вынесет и треснет — так неуважительно с ней еще не обращались.

«Чашечка-то выдержит, — мелькнуло у Тани. — А вот я...»

Да ладно — ничего не случилось, подумаешь, чашечка!

Она мотнула головой и натянула улыбку.

— Ну, дети мои! Давайте за стол?

Митька кивнул и тут же глянул на мамзель. Та пожала плечом и чуть сдвинула брови.

Таня вздохнула и стала накрывать на стол. Парадная скатерть, парадный сервиз. Метнулась на кухню — в холодильнике томились плоды ее усилий, все как положено: салат оливье (а он, этот мусью, был, между прочим, француз! Земляк, так сказать). Блюдо с «мимозой» — Митька этот салат обожал. Селедка, убранная красным лучком, и ее вечная спутница, отварная картошка, ожидавшая